

ПОСТИЖЕНИЕ ОБРАЗА МИРА

Е. И. Зеленов

- философия
- история
- лингвистика
- психология
- культура
- геокультура
- цивилизация
- этика
- хронокультура
- религии

издательство каро

УДК 1/14
ББК 87
3 48

Ответственный редактор
кандидат филологических наук А. В. Образцов (СПбГУ)

Зеленев Е. И.

З 48 Постижение Образа мира: Монография / Е. И. Зеленев. — СПб.: КАРО, 2012. — 336 с.

ISBN 978-5-9925-0773-7.

В книге с позиции востоковедного научного знания исследуются два важнейших тренда современности, а именно возникновение *гуманитарного научного Образа мира* и формирование *глобальной этики развития человечества*. Понятие «Образ мира» рассматривается автором в контексте исторической, лингвистической, психологической и ряда других научных областей. Вниманию читателя предлагаются оригинальные концепции и научные гипотезы, связанные с трактовкой таких понятий, как культура, геокультура и цивилизация, разрабатываются концепции хронокультуры, геокультурных пространств и геокультурных полей, (гео)культурных кодов и их ансамблей и многие другие. Приводится Тезаурус ключевых слов и концептуальных универсалий в контексте основных параметров образа жизни, составленный автором на основе исследования буддийской, исламской, иудейской, христианской религиозных традиций, а также конфуцианского этико-философского учения. Книга адресована не только специалистам, интересующимся современным востоковедением, проблемами культурогенеза, социокультурного взаимодействия и межкультурных коммуникаций, но и широкому кругу обществоведов.

Может быть использована в качестве учебного пособия по курсу «Глобальный Образ мира».

**УДК 1/14
ББК 87**

Оптовая торговля:

в Санкт-Петербурге: ул. Бронницкая, 44. тел./факс: (812) 575-94-39, 320-84-79
e-mail: karo@peterstar.ru

в Москве: ул. Стахановская, д. 24. тел./факс: (499) 171-53-22, 174-09-64
Погтовый адрес: 109125, Москва, 2-ой Грайвороновский проезд,
д. 32А, e-mail: moscow@karo.net.ru, karo.moscow@gmail.com.

Зеленев Евгений Ильич

ПОСТИЖЕНИЕ ОБРАЗА МИРА

Редакторы Л. Ю. Прохорова, Е. Д. Светозарова
Технический редактор М. Г. Столярова

Издательство «КАРО», ЛР № 065644
195027, Санкт-Петербург, Свердловская наб., д. 60, (812) 570-54-97

WWW.KARO.SPB.RU

Гигиенический сертификат
№ 78.01.07.953.П.323 от 10.02.2012

Подписано в печать 21.08.2012. Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,09. Тираж 500 экз. Заказ № 09.01

Отпечатано в типографии «КАРО»

© Е. И. Зеленев, 2012
© КАРО, 2012
Все права защищены

ISBN 978-5-9925-0773-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Предисловие	9
ВВЕДЕНИЕ	23
1. Узнаваемые глобальные опасности	—
2. Научный гуманитарный Образ мира и глобальная этика развития человечества	27
3. Метафоры маятника и волчка	30
4. Современный пространственно-временной комплекс	31
5. Теория игр и игры в теорию	36
ГЛАВА I	
Лингвистические основы Образа мира	41
1. Концепция лингвистического моногенеза	—
2. Verbum sapienti	44
3. Универсальный язык	47
4. Языковые картины мира	51
5. Язык — инструмент и медиум	56
6. О лингвоглобалистике и диалогическом методе	60
ГЛАВА II	
Психология образного мировосприятия	66
1. Целостность образного мировосприятия	—
2. Осознание бессознательного	68
3. Психологическая природа образа	71
4. Категоризация образного мышления	73
5. Спонтанное постижение мира	77
6. Аналоговое мышление	80
7. Теория дифференционно-интеграционного развития	83
8. Когнитивный Образ мира	86
ГЛАВА III	
Образ мира в историческом знании	92
1. Историческое пространство	—
2. Универсализм донаучной истории	97
3. Опыты и традиции дидактики	101
4. Образ мира во Всеобщей истории	103
5. Историческая дискретность	106
6. Проблемы и перспективы исторического Образа мира	109

ГЛАВА IV

Образ Инакового в глобальном мире	113
1. Концепция Другого	—
2. Глобальный мир и проблема диалога	115
3. Свои, Чужие, Другие	120
4. Инаковый как универсальный Другой	121
5. Эстетическая феноменальность Инакового	123
6. Этика Инакового	128

ГЛАВА V

На подступах к Образу мира: концепты гуманитарно-научной картины мира и фоновой теории мира	131
1. В поисках образа	—
2. Вектор движения к Образу мира	138
3. Фоновая теория мира	140

ГЛАВА VI

От <i>genius loci</i> к <i>Imago mundi</i>	145
1. Поиск основ гуманитарного научного Образа мира	—
2. Универсальные ценности переходной эпохи	146
3. Картина, образ и модель мира	149
4. Моделирование образов	154
5. Этнический Образ мира	156
6. Космос, полис и границы Инакового	158

ГЛАВА VII

Триумф хронокультуры?	163
1. В поисках энтелехии — Мировой души	—
2. «Текущая современность» Зигмунда Баумана	167
3. «Внутренняя космополитизация»	169
4. Пространственно-временная модальность и свобода интерпретаций	170
5. Культура и хронокультура: противостояние	175

ГЛАВА VIII

Этика для нового тысячелетия Тэнцзина Гьяцо (Далай-ламы XIV)	181
1. Фелиология: «универсальный уровень заботы о других»	—
2. Духовность, или высшее чувство: концепция <i>kun slong</i> как понимание общего состояния души и ума	184
3. Концепция зависимого происхождения <i>rten 'brel</i>	186
4. Этические каноны современной личности и современного общества	190
5. Образование, средства массовой информации и Всемирный совет людей	197
6. Роль религии в современном обществе	199

ГЛАВА IX

Глобальная этика Джонатана Сакса: миссия современного иудаизма	203
1. Неустрашимое моральное измерение	—
2. Завет с Ноем: концепция этичности против концепции эффективности	209
3. Современный трайбализм	213
4. Зона личной стабильности	214
5. Мораль и иудейская традиция	217

ГЛАВА X

Образ мира в современном российском православии	231
1. Поле для евангелизации	—
2. Концепция канонической территории	—
3. Православие и иные исповедания и религии	234
4. Церковь и либеральные ценности	236
5. Русский мир	239
6. Православие и вызовы современной цивилизации: этика образа жизни	241
7. Образ мира и православные святыни в Палестине	246

ГЛАВА XI

Образ мира в современном протестантизме	250
1. Церковь невидимая	—
2. Протестантизм и «расколдовывание мира»	251
3. Экуменизм и Всемирный Совет Церквей	256

ГЛАВА XII

Исламский мир	258
1. Не духом единым, но духом едины	—
2. Слова, помыслы, образ жизни	264
3. Концепция умеренности	269
4. «Идейная безопасность» (<i>Аман фикри</i>) в свете задач исламского права	273
5. «Ислам есть цивилизация»	275

ГЛАВА XIII

Учение Конфуция о единстве социума и Вселенной	277
---	-----

Глава XIV

Геокультурный Образ мира	284
1. О культуре, геокультуре и цивилизации	—
2. Геокультурное поле	295

ГЛАВА XV

Новый тезаурус	304
1. Возвращение в Вавилон	—
2. Тезаурус ключевых слов и концептуальных универсалий «семантического метаязыка»	308
Заключение, или Punctum puncti	319
1. «Тирания слов»: еще раз о трудностях перевода	—
2. Англо-арабско-русское соответствие понятию «Образ мира»	320
3. Передача смысла понятия «Образ мира» на иврите	323
4. Передача смысла понятия «Образ мира» на китайском языке	325
5. Передача смысла понятия «Образ мира» на турецком языке	326
6. Постигая образ и строя мосты	328
Список использованной литературы	330

ГЛАВА I

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗА МИРА

Решите проблему природы и происхождения языка, и тогда можно будет объяснить... что есть культура и как она появляется.

Клод Леви-Стросс

Мы знаем больше, чем можем сказать.

Майкл Полани

1. КОНЦЕПЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОНОГЕНЕЗА

Понятие «образ» в русском языке имеет необычайно богатое семантическое наполнение. Когда мы хотим что-либо объяснить, то произносим фразу: «Таким образом», подчеркивая убежденность и решительность. Когда же возмущаемся, восклицаем «Безобразие!», то есть сетуем на отсутствие привычного и понятного нам образа. Однокоренные слова в русском языке «образец», «образцовый», «образование», «образованный», «сообразительный», «прообраз» (прототип), а также глагольные формы «образовывать», «преобразовывать», «изображать», «преображать», «воображать» и многие другие. Синонимом слова «икона» в русском языке является слово «образ». А однокоренное слово «образина» означает уродливое лицо и имеет оскорбительный смысл. Старорусское «обра́за» значит «позор», «стыд». А угрожающего вида существо, вооруженное тридцатью тысячами иголок, во многих славянских языках называется дикобразом. Наконец, существует такое важное понятие, как «многообразие».

Замечательный лексикограф В. И. Даль, описывая смысловое богатство понятия «образ» и его производных, приводит фразу «Бог создал человека по образу и подобию своему» и поговорку «По образу как я, а по уму — свинья» [58, с. 613–614].

Такое смысловое разнообразие не редкость, странно другое: образ как понятие известен по крайней мере две с половиной тысячи лет, но его научное гуманитарное обоснование и сегодня находится на стадии правдоподобных гипотез. Трудности в понимании и передачи смысла понятия «Образ мира» становятся очевидны при переводе его на иностранные языки. В Заключении книги мы попробуем перевести его на ряд иностранных языков, хотя заранее следует предупредить, что полного соответствия русскому понятию «Образ мира» в иностранных языках найти не удастся, поскольку еще Джон Локк в 1690 г. отмечал, что среди сложных идей «едва ли найдется одно слово из десяти, которое означало бы совершенно ту же идею, что и другое слово, которым оно передается в словарях...» [278, р. 27]. Позднее, уже в XX в., сходное мнение высказывал Эдуард Сепир, указывая на чрезвычайную «неоднородность языков по своей лексике» [288, р. 27].

По подсчетам ученых, мир говорил более чем на 6900 языках. Немногим менее в мире этнических сообществ — народов с определенной лингвистической и в широком смысле культурной специфичностью. Казалось бы, мир безнадежно разобщен. Но, согласно исследованиям в области генетики, существуют участки спирали ДНК (маркеры), указывающие на генетическое сходство народов мира, как если бы они имели общие материнские корни. На сегодня выявлены лишь три вида существ, генетический код которых совершенно лишен универсальной тождественности, — летучие мыши, жуки и вирусы. Исключая их, происхождение всего живого, в том числе и *homo sapiens sapiens*, следует искать в одной исходной клетке. «Все ветви генетического древа народов мира имеют, по крайней мере, один общий маркер с гипотетической праmaterью Евой», согласно мнению весьма авторитетных ученых, жившей в Африке примерно 150–200 тысяч лет назад [220, с. 344]. Родиной древнейшего человека считают Олдовайское ущелье в Танзании или долину Аваш в Эфиопии. В последнее время некоторые исследователи называют прародиной человечества и Чад, где обнаружены останки живого существа, сходного с древним человеком.

Эти факты подводят этнологическую базу под теорию лингвистического моногенеза — учения о происхождении праязыка из одного источника. Противоположная точка зрения связана с мнением некоторых антропологов, согласно которому первоначально имелось несколько центров «расообразования и очеловечивания», но и в этом случае не исключается победа одного языка, вытеснившего все остальные, на каком-либо раннем этапе истории *homo sapiens sapiens*. По мнению известного российского лингвиста Вячеслава Всеволодовича Иванова, теория лингвистического моногенеза в настоящее время считается наиболее вероятной [118, с. 308–309].

В любом случае, была ли мутация, приведшая к появлению человека, естественным «сбоем непрерывности», вмешательством внешних сил или божественным волеизъявлением, лингвистическая версия моногенеза побуждает искать логическое объяснение современной мировой многоязычности и изучать ее перспективы. Нижеприведенные факты указывают на современную тенденцию сокращения числа языков в мире под влиянием так называемой лингвистической глобализации.

ЮНЕСКО обнародовало список десяти исчезающих языков. Кроме экзотического языка бикья, который знает одна пожилая женщина из деревни на границе Камеруна и Нигерии, шести редких языков Новой Гвинеи, на каждом из которых говорит от силы несколько сот человек, исчезающими языками названы три индийских языка, включая телугу (штат Андхра—Прадеш), и три малых языка Таиланда. В группе умирающих языков на десятом месте указан эстонский, поскольку молодое поколение этой прибалтийской страны решительно предпочитает родному языку английский.

Сведений же о возникновении новых языков нет. Вернее, появляется информация об обнаружении новых языков, которые почти сразу же объявляются умирающими. Так, экспедиция лингвистов в 2010 г. обнаружила в штате Аруначал-Прадеш на северо-востоке Индии ранее неизвестный язык, род-

ственный китайскому, тибетскому и бирманскому. Язык называется коро, он стал 6909-м языком, зафиксированным специалистами ЮНЕСКО. На нем говорят около 800 человек, и практически все они старше 20 лет. Поэтому вновь открытый язык сразу же объявлен находящимся под угрозой полного исчезновения. По данным ЮНЕСКО, только в России зафиксировано 136 так называемых исчезающих языков.

Теория лингвистического моногенеза — учение о происхождении языка из одного источника — дает основание предполагать, что первоначально Образ мира естественным путем возник в головах древних людей и формулировался на единственном языке, следовательно, допускается вероятность лингвистического моногенеза Образа мира. В таком случае стремление найти возможность адекватного выражения смысла Образа мира на многих языках представляет собой не революционный прорыв в будущее, а, скорее, возвращение к истокам.

Приняв теорию моногенеза как отправную, обозначим некоторые дискуссионные проблемы, имеющие отношение к смыслу понятия «Образ мира», к тому, как этот смысл может быть выражен с помощью языка. Прежде всего вспомним российско-польского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) и знаменитого швейцарца Фердинанда де Соссюра (1857–1913), которым, собственно, и принадлежит выделение пары сущностей «языка и речи» (*la langue et la parole*), и, как следствие, предложение «организовать» две лингвистики. Правда, в конце жизни де Соссюр усомнился в истинности собственного открытия, посчитав, что введенное им разделение едва ли имеет смысл за пределами сугубо лингвистического анализа, но броскую мысль уже подхватили последователи и выстроили на основе этого тезиса множество теорий и концепций.

Разграничение языка и речи дало выдающемуся литературоведу и переводчику Б. В. Казанскому (1889–1962) (вслед за Бодуэном де Куртенэ) основание утверждать, что «язык — не набор инструментов и наша речь не просто мозаика, язык есть действие, живое дело, творческая работа» [90, с. 34]. Следуя логике знаменитого филолога, вспомним об афазии (безречии), состоянии неспособности говорить, вспомним, как французский хирург Поль Брока в 1861 г. обнаружил в левом полушарии коры головного мозга центр управления речью, вспомним и немецкого физиолога Карла Вернике, в 1874 г. открывшего центр слуха, отметим современные дискуссии о роли этих центров в понимании информации и воспроизведении речи. Мощный импульс к дискуссиям о соотношении языка и мышления дала в свое время гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Л. Уорфа.

Важный вклад в развитие лингвистической теории вносит концепция об «универсальности человеческого языка», обладающего возможностями для передачи информации о бесконечном числе ситуаций. Ч. Осгуд называет 16 признаков «человеческого» языка, в отличие от Н. Хомского, который полагает, что для характеристики человеческого языка достаточно двух признаков [95, с. 161]. Американский психолингвист Стивен Пинкер пишет о том, что язык-речь — «это особый „кирпичик“ в биологической конструкции на-

шего мозга». Он сходен с инстинктом, поскольку люди знают, как говорить, подобно тому как пауки знают, как плести паутину. Язык-речь в этом случае является не в большей степени продуктом культуры, чем прямохождение. На фоне природных способностей животных (эхолокации летучих мышей, навигации птиц, обоняния собак, выносливости верблюдов и многих других) у человека, особи отряда приматов, коронный номер — возможность обмениваться информацией при помощи издаваемых на выдохе звуков [159, с. 11]. Осмыслению лингвистической основы Образа мира помогает тезис М. М. Бахтина о динамичной системе «языка-речи», построенной на основе прямых и обратных связей, а также его знаменитый тезис о том, что слово — это не только носитель значения или системы значений, но и опора для смысла [19, с. 302, 322].

Вышеприведенные суждения предлагают рассматривать язык прежде всего как «резервуар» понятий, без которых невозможно как выражение идеи Образа мира, так и понимание ее значения. Мысль, что исключительно язык позволяет нам сформулировать важнейшие целеполагающие принципы жизнедеятельности, принадлежит психологу, философу, социологу, культурологу Эриху Фромму, который удачно перекидывает мостик между самосознанием и выражающей его содержание языковой или речевой формой: *«Существует множество эмоциональных переживаний, для которых в данном языке нет обозначений, в то время как в другом языке может быть много слов, выражающих эти чувства. В языке, в котором различные эмоциональные переживания выражаются одним словом, почти невозможно прийти к ясному осознанию этих переживаний. Вообще говоря, переживание редко доходит до сознания, если в языке нет соответствующего слова»* [207, с. 284].

Выдающийся лингвист Геннадий Прокопьевич Мельников определил само мышление как способность индивида отражать состояние среды обитания, познание и прогнозирование состояний среды, а также выбор форм результативного поведения в этой среде с помощью конкретных и абстрактных образов объектов среды и образов смены внутренних состояний индивида в его сознании [132, с. 274]. Поиск смысла какого-либо действия, поиск слова, значение которого выражает этот смысл, поиск средств передачи смысла на другие языки наполняет содержанием процесс мышления. Слово оказывается в основании Образа мира, по сути предопределяя дальнейшее поведение человека и его образ мыслей. Оно живет жизнью собственного смысла (слова без смысла — бабочки-однодневки, их жизнь мимолетна). Действия или явления получают обоснования с помощью слов, но и сами слова своим смыслом рождают деятельную активность. Возможно, Лев Толстой имел в виду подобное свойство слова влиять на поведение человека, сказав когда-то загадочную фразу: «Слово есть поступок».

2. VERBUM SAPIENTI

Мир человеческих впечатлений, как правило, богат и разнообразен и не всегда укладывается в прокрустово ложе конкретного языка, но если искать приближающийся к адекватности аналог, то его можно отыскать в языке

символов, поэзии или мифологии. Согласно мнению Э. Фромма, мы можем почувствовать только то, что имеет словесное оформление. В идеале ощущение должно быть *verbo tenus**, иначе говоря, облечено в словесную форму. Вспомним и еще одно крылатое выражение: *verbum sapienti* («мудрому — слово»), так сказать, умному достаточно и слова. Язык ставит фильтр на пути впечатлений, идущих к мозгу. И этот фильтр далеко не всегда рационален, но он всегда действует, оберегая сознание от лингвистически неузнаваемого либо питая сознание понятиями, содержащимися в языке.

Кроме чувств наличествует еще логика мышления, которая ищет пути самовыражения личности, создавая изумительные семантические коктейли. Э. Фромм приводит в пример английское слово *awe* («страх, испуг») и его производные *awful* («ужасный») и *awesome* («величественный, впечатляющий»), *awed by* («внушающий благоговение»). С позиции рационального мышления, страх и восхищение — это разные чувства, а с точки же зрения переживания, они вполне могут выражать одно сложное чувство. Словосочетания «безумно начитанный» или «страшно красивый» с трудом поддаются рациональному анализу, хотя их смысл понятен. Изобретение «коктейлей словосочетаний», силящихся передать гамму невыразимых чувств, лежит в основе поиска новых путей в литературе, развивает язык и речь, совершенствует мышление, которое, в свою очередь, по крайней мере отчасти, управляет речью людей определенной культуры. «Приватизированный» язык индивида готов соответствовать его чувствам и переживаниям, давая речевой материал для выражения бесконечного числа смыслов, но на уровне коллективного использования язык сам определяет, какие ощущения дойдут до нашего сознания, а какие, в силу их образной или категориальной неопределенности, сознание «не заметит».

Например, незнание названий оттенков цвета принуждает нас оперировать лишь семью ньютоновскими спектральными цветами, плюс белым и черным (дальтонизм, нарушение цветовосприятия, сужает цветовую гамму еще больше, порой делая ее черно-белой), тогда как в ряде художественных школ мира использование минимум 40–50 цветов и оттенков обязательно. Классическая палитра цветных карандашей достигает 64-х оттенков, среди которых есть черепаховый и фисташковый. А вот в горном районе Новой Гвинеи, в племени Дани, изъясняются на «черно-белом языке» (других цветов этот язык «не знает»). Такие примеры позволяют Стивену Пинкеру утверждать, что мы видим цвета ровно в той степени, в какой способны постигать слова для их обозначения, а не наоборот [159, с. 52]. Едва ли возможно объяснить англоязычному собеседнику, чем отличается темно-голубой цвет от светло-синего, принимая во внимание, что в английском языке вся сине-голубая гамма обозначена лишь одним словом *blue*.

Тем более далеко от обыденного понимания отношение к цвету как к субъективному образу, который воспринимается человеческим глазом и зрительными анализаторами, но который не имеет сколько-нибудь твердой объективной

* *Verbo tenus* — только на словах (лат.).

основы. Все цвета, воспринимаемые нашим зрением и на этом основании приписываемые реальному миру, всего лишь зрительные образы, но исключительно утилитарно полезные. Эмоционально окрашенные впечатления от цветовой палитры мира, феномен воздействия цвета на психику (психоидность цвета), рассматриваются как вполне реальные и физиологически релевантные вызванному им состоянию [243, 244]. Тонкостям цветовосприятия следует обучать, иначе мир цвета заметно тускнеет. Поиск новых образов и их словесное определение мы находим в парфюмерии, где ранее неизвестный аромат становится вдруг массово узнаваемым. Другой пример — снег. В арабском языке, строго говоря, снег выражается единственным словом *сальдж*, которое обозначает одновременно и лед. У профессиональных лыжников существует добрая дюжина определений для снега на русском языке (заструги, целина, наст, корка и пр.). А британский исследователь Фил Джеймс приводит сто обозначений снега, имеющихся в языке американских эскимосов. Правда, Стивен Пинкер именует такое лексическое многообразие «Великой мистификацией эскимосского словаря», полагая, что на практике эскимосы пользуются едва ли большим количеством слов для обозначения снега, чем англичане [159, с. 52]. Есть, однако, и другие, «не эскимосские» примеры лексического изобилия, например девяносто слов для обозначения риса в филиппинском языке горного народа хануноо или двенадцать способов назвать женщину в зависимости от ее звания и социального положения в ланкийском языке на Цейлоне [38, с. 28–29].

Следуя мнению Э. Фромма, приходится признать, что язык в целом содержит жизненную позицию народа, которая определена образом пережитого прошлого. Например, английский язык сориентирован преимущественно на чувство времени, тогда как в древнееврейском принципиально важна завершенность или незавершенность действия, в арабском языке существует разница между прошедшим и будущим временем, тогда как настоящее и будущее время глагола практически неразличимы, а в латыни и завершенность, и время действия одинаково важны [207, с. 286–287].

Понимание языка как «резервуара понятий», без которых невозможно выражение и понимание идеи Образа мира, следует дополнить другой функцией — быть проводником определенной, присущей данной культуре логики. Согласно концепции амбивалентности З. Фрейда, можно одновременно испытывать любовь и ненависть по отношению к одному и тому же человеку. Такое переживание допустимо с точки зрения парадоксальной логики, но не выдерживает проверки с точки зрения логики Аристотеля, основанной на формальных законах. Что приемлемо с позиции языка, оказывается недопустимо с позиции логики конкретной культуры и утвердившихся в ней духовных постулатов. Последние иногда могут обосновывать социальные табу, объявляя определенные идеи и чувства непристойными и даже запретными. На язык накладываются искусственные ограничения с целью не дать ненормативным чувствам облекать себя в словесную форму и достигнуть порога сознания. Ненормативные идеи и чувства получают языковое воплощение как «ненормативная лексика» весьма ограниченного применения [207,

с. 287]. Под определение «ненормативных чувств» попадают, например, все суицидные рефлексии, усиленно подавляемые при помощи социальных табу. К слову сказать, именно табуированную тему, связанную с желанием человека заглянуть за грань жизни, использовал Марк Твен в знаменитом и многими любимом эпизоде, когда подростки Том Сойер и Гекльберри Финн инсценировали собственную смерть и присутствовали на собственной поминальной мессе. Литература нередко бросает вызов этическим нормам и выигрывает: либерализм языка кажется безграничным.

Действительно, язык многое может, но далеко не все. Он усиливает субъектно-объектную амбивалентность образа, активно вторгается в психический и ментальный процесс образотворения, обладает мощной фильтрующей способностью, не являясь при этом генератором чувств, идей, мыслей в чистом виде, но влияет лишь опосредованно, через содержащийся лексический и грамматический ресурс. Воплощенный в слове Образ мира с неизбежностью оказывается одновременно и ментальным отражением реальности, и мощным инструментом влияния на реальный мир. При этом актуально продолжать разрабатывать данное понятие не только в рамках одного определенного языка, но переходить к проблеме перевода смысла понятия «Образ мира» с одного языка на другой, выходя, если необходимо, на уровень метаязыка, который иногда называют универсальным.

3. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот, что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речь другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле...

Бытие, 11: 1–9.

Миф о Вавилонской башне до сих пор не оставляет равнодушными нас, потомков первых строителей, общавшихся на едином языке, мечтавших создать рукотворное чудо. Вавилонская катастрофа напоминает не только об утраченном взаимопонимании между людьми, и не только о гордыне человеческой, и даже не о бесплодности утопизма и незавершенности плодов его труда (хотя, возможно, и об этом тоже) [26, с. 360–363]. Стивен Пинкер утверждает, что все дело в «чувстве угрозы», которую ощутил Творец, когда люди, говорящие на одном языке, вплотную подошли к небесам! Единый

язык — это важнейшее слагаемое единого Образа мира, инструмент, присоединяющий членов сообщества к информационной сети совместного пользования с огромными объединенными возможностями, если вдуматься, то теоретически безграничными [159, с. 9]. Всевышний лишил людей единого языка, поскольку они не были к этому готовы: не знали, каким должен быть единый мир, мечтали создать себе *имя*. Образ мира в их сознании отсутствовал. Такое объяснение вавилонской катастрофы вполне возможно. Сюжет о Вавилонской башне еще появится на страницах этой книги, но его финальный смысл для предмета нашего исследования будет изложен в главе XV.

Идея общего языка для всего человечества оказывается очередной утопией. Единый Образ мира — тоже своего рода утопия. Однако множественность языков, как и множественность картин мира, — результат естественного разнообразия развития личности в юные годы. Первый язык, который ребенок усваивает до трех лет, и первая картина мира, возникающая в его сознании до пяти лет, даются без особых усилий, как бы сами собой. К слову сказать, детский билингвизм, когда родители общаются с ребенком на двух разных языках, тоже дает неплохой в лингвистическом отношении результат, но только если это происходит в раннем возрасте. Правда, психологи высказывают сомнения по поводу целесообразности одновременного изучения ребенком трех и более языков.

Взрослеющему ребенку изучение иностранного языка дается все сложнее и сложнее, а в зрелые годы для человека средних способностей оно вообще малопродуктивно. Почему же опыт изучения второго языка в позднем детстве и смена тогда же парадигм мировосприятия достигаются несравненно сложнее и болезненнее, чем в нежные годы младенчества? Точного ответа нет, но гипотез хватает. Одна из них состоит в том, что у ребенка до трех лет еще слабо развит гиппокамп — место хранения пространственных впечатлений и долгосрочных воспоминаний. Поэтому оперативная (краткосрочная) память работает особенно интенсивно, постоянно загружая информацией (в том числе и лингвистической) более ста миллиардов нервных клеток головного мозга, и в первую очередь около десяти миллиардов клеток коры головного мозга. Детское мышление носит всесторонний характер, охватывая широчайший диапазон идей и впечатлений. По мере того как гиппокамп берет на себя руководящие памятью функции, языковая информация укладывается в систему языка и изучение нового языка предположительно происходит уже иным способом — языковые впечатления в процессе изучения нового языка «ищут себе место» в пространстве долгосрочной памяти, нередко вступая в конкуренцию с ранее приобретенной иноязычной информацией. При этом примерно с четырехлетнего возраста неактивированные нервные клетки начинают отмирать, сохраняются только часто активируемые знакомым языком нейроны, образующие нервные сети.

Способность полноценно выучить первый язык утрачивается или существенно ослабевает примерно к десяти-двенадцатилетнему возрасту. Обратимся к авторитетному мнению американского лингвиста Наома Хомского. Он выделил два фундаментальных принципа в отношении языка:

1. Для того чтобы получать неограниченное число предложений из ограниченного числа слов, мозг должен обладать врожденной программой, универсальной настолько, что она позволяет самопроизвольно оперировать языком любой сложности.

2. Ребенку все равно, какой первый язык учить: в его голове с рождения заложена схема, общая для грамматик всех языков, *универсальная грамматика*, которая позволяет ему выделять синтаксические модели в речи родителей [159, с. 14–16].

Возникает парадоксальное ощущение, что наш мозг «умнее нас» и не мы контролируем его, а он нас, по крайней мере отчасти. В связи с этим заслуживает внимания мнение ряда авторитетных исследователей о том, что речь — это разновидность вируса, который, попав в организм человека, начинает влиять на его мозг, а опосредованно и на жизнь в целом. Мозг с большим трудом приспосабливается к способности человека говорить и, главное, мыслить на языке. Мозг трудно уживается с человеческим Я, при этом утрачивая многие важнейшие навыки жизнеобеспечения, которые присутствуют в геноме человека. Эти навыки не могут получить должного развития, в связи с тем что человеческое мышление, опираясь на язык, подавляет естественные врожденные компетенции головного мозга. Если к двенадцати годам человек не овладевает навыками языка, то навсегда утрачивает способность правильно говорить. Природа такого феномена неясна, но, быть может, это объясняется устойчивым иммунитетом к «языковому вирусу», который вырабатывается в подростковом возрасте, так же как вырабатывается иммунитет ко многим детским болезням.

Итак, язык живет внутри нас. Мы сами развиваем свой язык, но и язык изменяет нас. Лингвист Макс Вайнрайх тонко подметил: язык — это диалект, имеющий армию и флот, то есть морфологию и синтаксис. Чтобы искусственно создать диалект, необходима предельная концентрация ментальной энергии — интенция высокого порядка: устойчивые искусственные жаргоны практически не образуются вне тюремной среды или социально маргинальных групп-изгоев, фиксируя их изолированное положение в обществе. Весь прочий сленг значит для языка не более чем припудривание женского носика для способности женщины к деторождению.

Существует и другой ракурс рассмотрения данного вопроса. «Лингвистическая атака» — искусственное внедрение, прежде всего в молодежную среду, особой лексики или сленгового материала, подаваемого на определенном культурном или субкультурном фоне, что способствует обособлению воспринявшей этот сленг группы от социума. Регулируемое «лингвистическое инакомыслие» в данном случае может способствовать появлению обособленных социальных целевых групп, создавать у них новые модели мировосприятия и на этой основе управлять их поведением. Как правило, сленг не ведет социальную группу к языковому обособлению. Вообще, создать новый язык чрезвычайно сложно, а вот создать с помощью языка образ — просто и естественно. Какая связь между этими тезисами? Непосредственная. Задача создания основ Общаго мира возможна не только в ограниченных рамках конкретного языка,

а в принципе — если угодно, на универсальном языке образа, которого, строго говоря, вообще пока нет.

Наличие универсального или, говоря словами Умберто Эко, «совершенного языка» существенно облегчило бы работу над созданием универсального гуманитарного научного Образа мира. Увы, такого языка нет, но «утопия совершенного языка» была и остается «наваждением не только европейской культуры». «Тема смешения языков и попытка положить ему предел, открыв и придумав язык, общий для всего человеческого рода, проходит через историю всех культур» [235, с. 11].

Возникло даже особое направление европейской научной мысли — глотология, наука о совершенном языке. У. Эко называет шеститомный труд Дж. М. Борста, описывавшего различные мнения о смешении языков, указывает книгу Л. Кутюра и Л. Ло (1907), изучавших языковое многообразие мира, работу М. Монро-Дюмена (1960), где перечисляется 360 проектов международных языков, Дж. Ноулсона, упоминавшего 83 труда XVII–XVIII вв., в которых изучались модели универсальных языков, обзор Алессандро Баузани, посвященный изобретенным языкам, книги Роберто Пеллеры о совершенных языках и многие другие свидетельства колоссального и долгосрочного интереса к проблеме «языкового монизма» [235, с. 11, 15].

Вновь возвращаясь к библейскому сюжету о Вавилонской башне, осмелимся сравнить его с сюжетом о сотворении мира и Всемирном потопе. Создавая мир, Всевышний дал всем вещам и явлениям имена: «И назвал Бог свет днем, а тьму — ночью» (Бытие, 1: 3–5). В Торе использован глагол *qar'a* — буквально «прочитал», «озвучил», «объявил». Адам владел этим единственным языком, с помощью которого «нарек <...> имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым». (Бытие, 2:18). О многоязычии потомков Ноя говорится в главе 10 (Бытие, 10:20), а в главе 11 говорится, что до вавилонской катастрофы «на всей земле был один язык и одно наречие» (Бытие, 11:1). Таким образом, переход от дарованного Богом моноязыка к современному многоязычию трактуется в Библии не вполне отчетливо. Во всяком случае, У. Эко задается вопросом, было ли смешение языков (*confusio linguarum*) естественным процессом или карой Господней, и посвящает ответу на него целую книгу [235, с. 19 и далее]. Результат изысканий У. Эко сводится к двум постулатам. Во-первых, история совершенных языков — это история утопии, озаглавленная рядом провалов, имевших, однако, в основе «счастливое заблуждение» (*felix culpa*) — веру в «первозык» Бога. Во-вторых, перспектива лингвистического взаимопонимания, по крайней мере для Европы (об остальном человечестве У. Эко умалчивает, оправдываясь собственной принадлежностью к «европейской цивилизации»), выглядит весьма комично: «Европа полиглотов — не Европа людей, бегло говорящих на множестве языков, а в лучшем случае людей, которые при встрече говорят каждый на своем языке, но не понимают друг друга; пусть они не могут с легкостью выражать свои мысли, пусть и понимают с трудом, но как-то схватывают „дух“, ту культурную вселенную, какую каждый выражает, говоря на языке своих предков и традиций» [235, с. 358].

«Понимать с трудом», то есть плохо в лингвистическом смысле понимать друг друга, но стремиться к взаимопониманию ментальному и эмоциональному — это главная цель современных европейцев, по Умберто Эко. Осмелимся высказать критическое замечание, что взаимопонимание, основанное на «культурном духе», является, пожалуй, едва ли не большей утопией, чем «совершенный язык». Ментальное понимание «культурной вселенной» на примитивном лингвистическом уровне невозможно в принципе, как невозможно представить себе «необразованного интеллектуала». И второе, можно ли перейти от европейской «культурной вселенной» к мировой (если, конечно, европейское культурное пространство не самоцель), лишь только «схватывая дух»? Сомнительно.

Попробуем все же еще немного продвинуться по пути лингвистического самообразования в направлении, именуемом гуманитарным научным Образом мира, суть которого так тонко передана Велимиром Хлебниковым [215, с. 424].

Здесь немец говорит Гейне,
Здесь русский говорит Хайне,
И вечер бродит ворожейно
По жизни тайне.

4. ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА

Родившись первоначально как красивая метафора, языковая картина мира со временем получила разнообразные интерпретации, ни одна из которых, однако, не стала общепринятой. Именно поэтому О. А. Корнилов предлагает именовать «языковую картину мира» понятием, а не термином, поскольку термину «по определению должна соответствовать строгая научная дефиниция, каковой, насколько известно, пока не существует» [106, с. 76].

Ю. Д. Апресян, один из руководителей проекта так называемой Московской семантической школы интегрального описания языка и системной лексикографии, предлагает рассматривать языковую картину мира в качестве основного принципа системной лексикографии, сводящегося к ответу на вопрос, как устроен язык. Заслуживает внимания приводимый им краткий экскурс в историю термина «языковая картина мира» или синонимичного термина «наивная картина мира». Эти понятия возникли в лингвистике еще в XIX в., сформировав самостоятельное научное направление. Основателями направления были В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сэпир, Б. Уорф (гипотеза «лингвистической относительности»), неогумбольдтианцы (понятие *Zwischenwelt*), Л. В. Щерба (противопоставление «обывательских» и научных понятий), Р. Халлинг, В. Вартбург (идея «наивного реализма»), Г. Хойер (американская школа этнолингвистики), этнолингвистические школы Н. И. Толстой и С. М. Толстого в России (словарь «Славянские древности») и Е. Бартминьского в Польше. Исключительно важное место в этой литературе занимают все семантические исследования Анны Вежбицкой, из которых особого упоминания заслуживает ее книга «Semantics, Culture and Cognition. Universal

Human Concepts in Culture-Specific Configurations» (N. Y., Oxford, 1992). Весьма представителен ряд авторов, пишущих о русской языковой картине мира: Н. И. Сукаленко [195], Е. С. Яковлева [242], А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина [73, р. 237–264; 71, с. 85–105], Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев [241; 72; 228; 229; 227, с. 341–353]. Расширяется круг лиц, исследующих этнические картины и образы мира: В. А. Плунгян [161, с. 155–160], Тань Аошуан [200], Т. В. Цивьян, О. А. Корнилов и др. [240, с. 33–36].

Лингвистические основы Образа мира предполагают опору на специальные исследования, не только описывающие лексикографию, семантику и историю языка, но и предполагающие реконструкцию языкового сознания, исследование этнической ментальности, что выводит и в другие области знания, связанные с представлениями человека о мире. Языковая картина мира обладает спецификой по сравнению с другими версиями картины мира. Во-первых, для реконструкции языковой картины мира служат только факты языка. Попытка ряда авторов расширить круг используемого материала за счет так называемых культурных концептов, то есть материала текстов культуры в широком смысле слова*, объясняется благородным стремлением ученого к обобщениям самого высокого уровня, включая универсальный. Однако в рамках традиционной лингвистической науки сделать это сложно, если вообще возможно, поскольку «картина мира, отражаемая в языке, во многих отношениях отличается от научной картины мира». Ю. Д. Апресян указывает на неизбежность смысловой локализации языковой картины мира лингвистической и этнической специфичностью, то есть особым способом мировидения, присущим данному языку, культурно значимым для данного языка и отличающим его от любых иных языков: «Реально „особый способ мировидения“ проявляет себя в национально специфическом наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы — морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими. Определенная ключевая идея имеет тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больший арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматикализованные значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами. Часто язык заставляет говорящего выражать эти идеи, даже если они несущественны для его высказывания» [240, с. 35–36].

Ю. Д. Апресян отмечает, что «мера этноспецифичности» необходима, поскольку «в последнее время идея языковой картины мира была очень широко растиражирована и, к сожалению, измельчала». Объясняется это тем, что «некоторые авторы делают далеко идущие обобщения об этноспецифическом взгляде на мир и даже об особенностях национального характера на основании нескольких изолированных примеров» [240, с. 36].

* Например, работы Н. Д. Арутюновой [12].

Именно «этноспецифический подход» демонстрирует в своей работе О. А. Корнилов, рассматривая в контексте научного анализа «языковые картины мира национальных языков и национальные менталитеты» [106].

Суть его подхода заключается в том, чтобы вывести словосочетание «языковая картина мира» из разряда ярких, но весьма аморфных образных выражений, которое по воле пользователя может наполняться весьма произвольным содержанием, и приблизить его к категории научных терминов. О. А. Корнилов проводит разграничение понятий «национальный образ мира» (НацОМ) и «национальная языковая картина мира» (НЯКМ), предлагая соотносить их друг с другом примерно так же, как соотносятся фотографический снимок, запечатлевший некий пейзаж, и словесное описание этого же пейзажа. Рассматривается и другое сравнение: художественный фильм и литературное произведение с одним и тем же сюжетом. Под фотографией или фильмом подразумевается НацОМ, а под словесным описанием или литературным произведением — НЯКМ, так как и то и другое представляет попытку передать чувственное восприятие фрагментов материального мира. НЯКМ определеннее по смыслу и конкретнее по содержанию, чем НацОМ, поскольку в последний, наряду с вербальными способами мироощущения, входят и невербальные, такие как национальная традиционная живопись, ремесла, символика, музыка, архитектура, верования и многое другое.

Языковая картина мира — это один из двух планов двукодового представления знаний о мире как отдельного человека, так и целой нации. Обоснование теории двойного кодирования содержится в книге А. Пайвио «Ментальные репрезентации». Теория Пайвио утверждает, что репрезентации фрагментов мира могут быть картинообразные (ОБРАЗЫ) и языкоподобные (слова естественных языков и некоторые другие формальные системы). Языковые картины мира — репрезентации второго типа, которым могут соответствовать и образы. Образами, соответствующими лексическим единицам, являются так называемые прототипы обозначаемых объектов — некие собирательные образы называемых объектов, отображающие все существенные для этих объектов признаки.

«С некоторыми допущениями можно предложить такую формулировку: НацОМ — это совокупность прототипов, существующих в коллективном национальном сознании, а НЯКМ — это совокупность лексических эквивалентов этих прототипов. Дифференцировав понятия НацОМ и НЯКМ, мы обозначили важную для культурологии и этнопсихологии область соответствия слов и вызываемых ими зрительных образов... Знакомство с НЯКМ — это *необходимое* условие знакомства с национальной культурой, с национальным менталитетом, но *недостаточное*. Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая физическую географию страны. Это неразрывный комплекс» [106, с. 82].

Рассуждения о соотношении НацОМ и НЯКМ подводят нас к определению понятия «геокультура». В свое время Эдвард Сепир, определяя понятие культуры, высказал мнение, что культура отвечает на вопрос: «ЧТО данное обще-

ство делает и думает?», а язык «обозначает», «КАК общество думает?» [288]. Для понимания же культуры в трехмерном измерении (как геокультуры) остается добавить «ГДЕ думают?» и ввести в культурологический анализ пространственное измерение. Мы получаем определение геокультуры, как ЧТО, КАК и ГДЕ думают. Следуя этой логике, НацОМ будет представлять собой обобщенный ответ на вопросы что, как и где думают о мире.

В языковом сегменте трудно переоценить значение национальной символики, тесно связанной с коннотативной зоной языка, «то есть с той частью НЯКМ, которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира». Например, символами разных качеств в этнокультурах могут быть различные животные, причем применительно к лингвистике это означает, что лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя уникальную для каждого языка информацию о приписываемых этим животным свойствам. Так, китайцы весьма легко называют кого-либо собакой, изобличая тем самым в человеке отнюдь не агрессивность или злобу, а угодливость и подхалимство. Немцы, называя кого-либо крысой, ассоциируют это животное с таким качеством, как трудолюбие и увлеченность любимым делом [106, с. 83]. Привычная для русскоязычной среды связь муравья с трудолюбием едва ли будет понятна носителям зороастрийской культурной традиции, в которой муравей ассоциируется с чем-то грязным, даже греховным. В языке отражаются и закрепляются специфические для данного народа стереотипы мышления, однако данные языка едва ли исчерпывают всю полноту картины мира какого-либо конкретного народа. Применяя принцип «презумпции непонимания» ко всему тому, что составляет лексико-семантическую систему языка и связано высокими уровнями абстрактного мышления, рассмотрим язык не только как элемент мышления и инструмент получения знания, но и как средство *оформления знания*. «Обрастание значениями языка, расширение или сужение первоначальной невербализованной идеи — вот та печать, которую язык накладывает на мышление», — совершенно справедливо утверждает О. А. Корнилов и тем, собственно, указывает путь применения языковой картины мира в процессе формирования национального образа мира, а в дальнейшем — гуманитарного научного Образа мира. «Каждый этнический язык — это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры. Язык — дом бытия духа» [106, с. 133].

Вне рамок культурно-философского подхода понятие «национальная языковая картина мира» может быть заменено обычными понятиями — «словарный состав национального языка» или «лексико-фразеологическая система национального языка» [106, с. 135]. Образ мира вне культурно-философского контекста также оказывается едва ли не индивидуальным делом каждого. Только выйдя за рамки утилитарного, сугубо рационалистического подхода, можно говорить о языке и об облеченном в словесную форму Образе мира как о ментальных феноменах, способных не только прямолинейно влиять на

жизнь, но и привносить в нее глубокое и долговременное эстетическое удовлетворение. Язык человека — это одна из «одежд» его мыслей, чувств, ощущений, причем одна из наиболее удобных «одежд», выгодно отличающихся своей выразительностью от, например, языка жестов, или рисунков, или схем. Образ мира и языковую картину мира связывает вместе опора на когнитивную базу народа, то есть на знание по возможности всей массы реалий жизни народа в контексте культурно-информационной среды. Когнитивная база этноса — это не только словарный состав языка, но и юмор, намеки, игра слов, каламбуры, шутки, за которыми стоит вера в силу и мудрость родного языка, его способность доносить до сознания «высокий смысл вечных истин», но также обучать, развлекать и радовать. Уместно вспомнить по этому поводу слова Петра Вяземского:

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.

По существу, речь идет о так называемой «языковой личности», «вместилище этнического духа», о языке в формате пространственно-временного континуума определенного этноса — его геокультурного бытования. Выделяется три вида национально-специфической лексики, которые учитываются в процессе создания языковой картины мира: обозначение специфических реалий; обозначение универсальных концептов, имеющих специфические прототипы; обозначение специфических абстрактных концептов. Национально-специфические концепты возникают благодаря непосредственным ощущениям на основе базовых единиц ментально-лингвистического комплекса человека — информем, которые, превращаясь в концепты, меняют свой статус с индивидуального на коллективный [106, с. 143–144, 147]. Данные теоретические положения представляются нам продуктивными и вводят в мир «субъективных категорий», противопоставляемых языком миру объективных реалий. Несовпадение совокупности объектов реального мира и совокупности объектов, которыми оперирует сознание человека, владеющего языком, очевидно и, скорее всего, не требует доказательства. Множество различных объектов реального мира остаются непоименованными языком в силу их непознанности, а с другой стороны, сознание человека содержит огромное количество информационных единиц и массу концептуальных артефактов порой весьма абстрактного или отвлеченного от реальности вида. В сознании носителя языка объективные реалии и субъективные категории не противопоставляются друг другу, а, напротив, тесно переплетены и образуют «Единый образ мира» [106, с. 284]. Словарь национальной языковой картины мира, о котором пишет О. А. Корнилов, указывает вектор движения к «наднациональной» картине мира и далее — к образу мира в его гуманитарно-научной форме, структурированной в тезаурусе явлений культуры.

В то же время приходится согласиться, что «лингвистическая монополия» в вопросах, связанных с сущностью человеческого сознания, оказывается мифом, если обратиться к данным, полученным в области логики, психологии,

физиологии и психолингвистики [106, с. 117–118]. Мышление имеет многоуровневое строение. Существуют «доязыковые» уровни (обучение детей «доязыкового» возраста), «внеязыковые» уровни (обучение слепоглухонемых), «надязыковые» уровни (воплощенные, например, в математике). Выделение в мышлении различных типов и уровней необходимо для того, чтобы отказаться от упрощенного тождества язык=мышление. Обращение к мышлению с неизбежностью ставит вопрос о сущности человеческого Я и роли языка в его формировании и сохранении.

5. ЯЗЫК — ИНСТРУМЕНТ И МЕДИУМ

Два свойства языка обеспечивают ему исключительное место в создании Образа мира и этнолингвистических картин мира: способность языка описывать Образ мира в целом и с любой степенью детализации; способность языка быть естественным и единственным посредником при переходе от одной языковой версии Образа мира к другой. Язык кодирует образное мировосприятие, облекая его в словесную форму, перекодировать которую, то есть перевести на другой язык, можно также только с помощью языка.

Под кодом в данном случае подразумевается локально-лингвистическая картина мира. Язык выступает по отношению к картине мира метаязыком, языком-посредником между мышлением и реальностью. Без помощи языка наши представления об Образе мира, локальном или универсальном, повисают в воздухе, то есть превращаются в практически невыразимую, сугубо индивидуальную чувственную субстанцию. Сделать индивидуальный Образ мира доступным для понимания другими людьми удастся путем всесторонней категоризации разнообразных аспектов миропонимания. Язык способен не только отображать, но и конструировать реальность, которая в этом случае воспринимается как усвоенная реальность (не данная). Язык всему дает имя, и это имя становится определенной формой реальности. Лингвистическое объяснение этому явлению дал француз Эмиль Бенвенист еще в 60-е гг. XX в., а до него сходную идею высказывал М. М. Бахтин в исследовании о прямой речи [20, с. 242–247]. Оба ученых отмечали удивительную способность человека «присваивать» себе язык, придавая языковым универсалиям сугубо личностный характер. Референтная соотнесенность с «говорящим» личного местоимения первого лица «я» в языке как таковом не имеет соотнесенности ни с «реальностью», ни с «объективным» положением в пространстве или во времени, а только с единичным актом высказывания. «На каком основании вы без моего разрешения пользуетесь моим языком? Я выучил этот язык раньше вас и прошу его не использовать — он мой». Психически здоровый человек едва ли произнесет такие слова, поскольку язык не может быть в личной собственности. Более того, если бы каждый человек располагал для выражения своей неповторимой субъективности особым «опознавателем» (наподобие позывных или пароля), языков оказалось бы столько же, сколько людей. «Язык устраняет эту опасность, создавая единый, но мобильный знак „я“, который может взять «напрокат» каждый говорящий. Это свойство при-

своения говорящим всего языка для личного пользования лежит в основе индивидуальной речи [23, с. 288–289]. Присвоение себе языка отражает содержащуюся в речевой форме общения способность человека «присваивать» себе весь мир, тотально противопоставляя себя ему. Язык в этом отношении и инструмент, и собственно основание для такого противопоставления. Логично допустить, что мозг и язык ведут непримиримую борьбу за право интерпретировать мировосприятие. «Если на клетке слона прочтешь надпись „Буйвол“, не верь глазам своим!» — в этом парадоксальном высказывании Козьмы Пруtkова заключен комичный драматизм борьбы языка с мозгом. Мозг требует не верить надписи, язык побуждает игнорировать образное представление. Что победит? Конечно, реальность, причем с разрушительными для сознания последствиями. Но есть шанс избежать катастрофы, пока реальность находится в границах адекватных человеческих представлений о мире, выраженных с помощью языка.

Языковое взросление человека неразделимо с эволюцией человеческого вида — филогенезом. Попробуем выявить логику филогенеза человеческого вида. Язык запускает рефлексивный процесс самосознания и самопознания человека. Самосознание и самопознание продуцируют культуру. Культура в суровой борьбе отвоевывает у подсознания мозга плацдарм для сознательного поведения. Сознательное поведение становится основанием и стимулом для борьбы человека за выживание и улучшение качества жизни. Объект борьбы — природа, точнее, природная среда обитания человека. Но именно природная среда продуцирует формы жизни, в том числе и человеческие, обуславливая наличие у человека главного видового отличия — языка-сознания. Логический круг замыкается. Волевое вторжение в логику процесса допустимо только там, где способность человека контролировать результат своей деятельности максимальна. Это пограничная зона между самознанием и самопознанием, с одной стороны, и культурой — с другой. Постоянное и последовательное переформатирование культуры составляет основу миропонимания в целом и Образа мира как его производного, язык же выступает главным участником процесса.

Из вышесказанного следует вывод, что, не воспринимая мир с помощью системы языковых знаков, человек неизбежно стал бы творить «миры» в своем мышлении, множа их образы беспредельно и безотносительно реальности. Заложенная в человеке неповторимая способность противопоставлять себя всему окружающему решена внутри языковой системы с помощью фундаментального качества — «субъективности в языке», а также особых языковых элементов, имеющих свойство аутореферентности. Благодаря этим двум свойствам человек оперирует представлениями о мире, присоединяя их к собственной самоидентификации, гармонизируя личностные отношения с внешним окружением.

Наряду с «надводной» частью айсберга личного Я, есть и его «подводная» часть. Дело в том, что, чувствуя собственное Я, подчиняясь ему, человек не может объяснить, как это Я получает информацию от мозга и как его контролирует. Более того, многие ученые полагают, что понятие внутреннего

Я — это иллюзия, придающая жизни смысл. Мозг, используя язык, или наоборот, язык, понуждая мозг, постоянно твердит: «Это — Я», но нет ничего, что фактически соответствовало бы слову Я. Такой вещи, как Я, просто не существует. Более того, одна из мировых религий — буддизм — постулирует отсутствие неизменного Я, сравнивая личность с руслом реки, которое постоянно меняет направление. Сам собою напрашивается вывод о том, что Я приватизированного языка индивида и есть то истинное Я, которое вне языка растворяется в потоке сознания. Однако факт остается фактом, самосознание человека, очевидно, проявляется в том, что он один из всех живых существ на планете способен узнать себя в своем отражении в зеркале, все остальные видят в зеркале Другого, во всяком случае, так считается. Человеческое представление о себе и «других» можно определить как «языковое сознание».

«Языковое сознание» наряду с предсказуемым и поддающимся осмыслению «имеет еще нечто, не поддающееся детальному объяснению, — сходное с инстинктом предчувствие всей системы в целом, на которую опирается язык в данной индивидуальной форме» [55, с. 88]. Последняя мысль подводит к изучению «языкового сознания» в комплексе триединства *язык* → *мышление* → *мир*. Язык представляет собой действенный элемент человеческого организма, столь же материальный, сколь и духовный. Язык материализуется в форме еще не озвученной мысли, собственно в звучании и его графической фиксации, в том числе и цифровой, а воспринимается органами чувств: слуха, зрения, у слепых способность читать берет на себя также осязание, у глухонемых речь материализуется в жестах. Способ, каким мысль материализуется в звучащее или записанное слово, равно как и способ, каким язык осознается и воспринимается органами чувств, оказывается связан с тем, как воспринимается мир, и с техникой мышления. «Комплекс язык–мышление–мир, в антропоцентрической перспективе представленный через чувства человека, в основном ориентирован на зрение и слух, над которыми постоянно витает „шестое чувство“ (интуиция), перекрывающее остальные» [216, с. 28–29].

В архетипичном сознании язык не является исключительной прерогативой человека. Вне зависимости, приписывается ли языку божественное, эволюционное или даже вирусологическое происхождение, исключительность наделенности человека даром речи постоянно колеблется вторжением не только мифопоэтических и поэтических представлений, но и научным поиском коммуникативных средств у дельфинов, обезьян, пчел и т. п.

Нередко в детских сказках персонаж как бы «заболевает» способностью понимать язык зверей и птиц, а дар речи «прививается» дереву, ручью или камню. В сказках говорить человеческим голосом могут не только животные, но даже предметы. Эти сказочные представления на уровне подсознания, невысказанной мечты указывали путь сближения людей и природы. Преодолевая свое отчуждение, человек искал в мире природы тождественные его речи звуки. Именно к языку сводится способность человека к семиотизации звукового пейзажа и языкового осмысления универсалий природы

путем оппозиций: «звук / беззвучие», «движение / неподвижность», «жизнь / смерть» или гадания по шелесту деревьев, журчанию ручья, грому, жужжанию пчел и т. п. Такого рода семиотизация звукового пейзажа является первым шагом в направлении осмысления оппозиции «природа / культура».

Придание слову способности выражать волю Бога мы встречаем в греческой традиции общения с оракулами, где речевая форма выражения божественной воли указывает на глубинно устный характер духовного ядра цивилизации. Письменность — сравнительно недавнее и преимущественно сориентированное на устную форму языка явление. Письменная форма речи по мере расширения коммуникативных возможностей человека завоевала себе право не только выражать, но и сохранять волю Бога в сакральных текстах — священных писаниях. Сакрализация устной и письменной форм речи открывает перед языком огромные возможности влиять на сознание людей, структурировать их мышление, подготавливая духовную почву для совершения ими мыслительного акта миропостижения.

Еще одно свойство языка, имеющее отношение к формированию Образа мира, *панлингвистичность*. Она проявляется в том, что «язык приобретает функцию духовного хранителя целостности данного общества». Языковое оформление оппозиций «мужской / женский», «свой / чужой», «единичный / всеобщий» и т. д. образуют амальгаму национального сознания, когда язык ощущается едва ли не единственным и бесспорным средством самоопределения общества и индивидуума [216, с. 30]. В качестве примера приведем общественное движение и концепцию «арабского национализма», сотрясавшие основы арабского социума на протяжении всего XX в. Один из первых теоретиков арабского национализма, сирийский христианин Наджиб Азури, еще в 1905 г. дал следующее определение арабской нации: «Арабская нация — это единая нация, включающая в свой состав всех людей, говорящих по-арабски, как мусульман, так и христиан» [270, р. 278]. Спустя 8 лет, на панарабском конгрессе в Париже в 1913 г., это определение было дополнено и развито его участниками — видными деятелями арабского национального движения, которые подтвердили главенствующую роль арабского языка в формировании арабской нации.

Ощущение того, что «границы (limits) действия моего языка означают границы моего мира», сегодня дополняется пониманием роли языка как особого кода модели мира и важнейшего элемента самого этого мира, моделирование которого осуществляется языковыми средствами.

В работе «Категории мысли и категории языка» Эмиль Бенвенист одним из первых уловил наряду с функциональной связью между мышлением и языком, когда «языковая форма является условием передачи мысли», также и их онтологическую связь, делающую язык хотя и не единственным, но важнейшим условием реализации мышления [23, с. 105–106]. Различие в том, что мышление стремится устанавливать категории универсальные, тогда как языковые категории всегда являются категориями отдельного языка, кроме того, мышление может свободно уточнять свои категории, тогда как категории